

УДК 1(091)14

ОБ ОТНОШЕНИИ
ВЫСШИХ ЗНАНИЙ
ДИСКУРСИВНОГО РАЗУМА
К ЗНАНИЯМ ОБЫДЕННОГО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
РАССУДКА (8 ОПЫТ)*

И. Н. Тетенс

I

Что такое высшие знания
дискурсивного разума?
О природе общих теорий

Раньше чувственное знание философы противопоставляли разумному: мир, каким он представляется чувствам (*mundus sensibilis*), — миру, каким он является рассудку (*mundus intellectualis*). Смутные представления о вещах и их отношениях друг к другу, как их сначала воспринимают благодаря чувствам, они противопоставляли *отчетливым идеям*, когда их мыслят уже сформированными (*entwickelt*) и, кроме того, в соответствии с общими понятиями и принципами, и изучали, как эти два вида представлений относятся к друг другу. Это почти те же самые вопросы и исследования, только выраженные в иной форме, которые проводили новейшие философы, когда исследовали, как относится *обыденный человеческий рассудок* и его знания к более высокому *дискурсивному разуму* (*raisonnende Vernunft*) и его научным взглядам. То, что они иногда не согласуются друг с другом, утверждали скептики и признавали их противники. Первые требовали, чтобы в таких случаях главным судьей был разум. Последние хотели, чтобы им выступал обыденный рассудок: даже там, где его первые шаги были ложными, он также должен исправлять их сам. Дискурсивный разум не может и не должен этого делать.

В этом споре, который имел столько же сторон и частей, как и сама проблема, необходимо было бы прежде всего точно и определенно уяснить себе предмет спо-

* Перевод выполнен по заданию: *Tetens J.N. Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwicklung*. Leipzig, 1777. Bd. 1. S. 570—589 (8.Versuch).

Поступила в редакцию 01.10.2013 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-1-6

© Секундант С.Г., пер. с нем., 2014.

ра. Но так как этого не было сделано, то неудивительно, что было напрасно выдвинуто так много аргументов и произнесено столь много «школьных фраз» (*Deklamationen*) там, где можно было бы путем нескольких конкретных разъяснений пролить свет на вопрос в целом.

Что такое обыденный рассудок, было ясно определено ранее, а именно он есть способность судить о вещах, не нуждаясь при этом в точном (*deutlichen*) рассуждении на основе общих понятий и принципов. Он противопоставляется высшему дискурсивному разуму. Последний использует общие научные теории и в соответствии с ними видоизменяет знания, которые были приобретены без них. Обыденный рассудок работает, не опираясь на рассуждения общего характера (*Spekulation*), разум же рассуждает (*spekulirt*) на основе понятий, которые он делает отчетливыми.

Дискурсивный разум является ответвлением той же способности устанавливать связи (*Beziehungsvermögen*) и той же способности мышления (*Denkkraft*), которая выступает как его общий род (*Genus commune*). Он есть способность непосредственно (*folgern*) и опосредованно (*schließen*) умозаключать, без содействия которой и обыденный рассудок не стал бы тем, чем он есть, и только благодаря той более высокой силе, которую он получает от разума, он применяется к обыденным понятиям.

Основное и действительное различие этих способностей в конечном счете сводится к следующему. Разум есть способность выводить определенные связи (*Beziehungen*) и отношения (*Verhältnisse*) из других отношений. Он обнаруживает себя в непосредственных выводах (*Folgern*) и опосредованных умозаключениях (*Schließen*). В них есть нечто большее, чем способность устанавливать связи, которая познает свои отношения только на основе сопоставления вещей. Поэтому высший разум использует средство, которое можно в порядке исключения рассматривать как его собственное. На основе всеобщих понятий он создает себе определенную систему (*Gewebe*) необходимых истин. Он устанавливает основные всеобщие понятия и принципы, связывает их в соответствии со своими необходимыми законами мышления и находит благодаря этому отношения идей, которые он затем приписывает объектам, если находит, что их свойства одинаковы с тем, что он уже представлял себе в своих сформированных общих понятиях. Но если он еще не создал заранее таких всеобщих теорий, то и тогда он все же формирует понятия о данных ему предметах, отчетливо их разъясняет, связывает и сравнивает их и делает из них непосредственные и опосредствованные умозаключения. Таким образом, высший разум, или умозаключающий разум, или просто разум, — это «способность судить о вещах на основании понимания связи всеобщих понятий».

Не бесполезно еще раз напомнить, что всеобщие понятия — это не что иное, как множество односторонних точек зрения (*so viele einzelne besondere Seiten*), исходя из которых могут рассматриваться отдельные предметы. Они выражают определенные сходства (*Aehnlichkeiten*) многих вещей. Если такие общие понятия связывают, сравнивают и познают их необходимые отношения, то на их основе рассматривали определенное множество мыслей или отношений вещей. Всеобщие теории в душе — это некоторого рода ряды новых мыслей. Поскольку нет объекта, который относится к общему роду вещей, представленных определенным понятием, они суть не что иное, как только покоящийся ряд идей, от которого рассудок не имеет никакой другой пользы, кроме удовольствия, получаемого от своей

собственной спекулятивной деятельности, если он ее совершает и помнит о ней. Но как только встречается действительный предмет, который выражается с помощью общего понятия, то к нему тотчас же применяется вся теория, и она тогда заключает истинные и необходимые отношения этого предмета к другим. Математическая теория о конических сечениях, и в частности об эллипсе, стала знанием о пути планет, когда Кеплер на основе наблюдений доказал, что эти кривые линии являются эллипсами.

С одной стороны, эти теории — искусственные вспомогательные средства рассудка. Они для него являются тем, чем увеличительные стекла и телескопы для глаз или усиление для естественных магнитов. Вполне справедливо было искать такое вспомогательное средство, хотя прошло много времени, прежде чем достигли в некоторой мере такого состояния, когда только начинается философствование в собственном смысле этого слова. Нет ничего естественнее для нас, чем исследовать сначала некоторую вещь только с одной стороны, потом — с другой, а затем сравнить и связать эти стороны друг с другом. Благодаря изучению общих теорий мы не получаем ничего иного, кроме таких разных наблюдений вещей с определенных сторон, которые создаются с целью использования в будущем.

Среди знаний обыденного рассудка также есть общие понятия и основоположения, но он представляет их себе не в их всеобщности и тем более не в их определенной всеобщности. К тому же обыденный рассудок их не связывает или очень редко это делает. Большая часть его знаний состоит в идеях и суждениях о действительных вещах, их свойствах и отношениях, которые он создает себе путем упражнения и деятельности, прибегая к чувствам и не привлекая при этом в качестве вспомогательного средства общие теории. То, что зависит от этих теорий, принадлежит исключительно дискурсивному разуму.

При пользовании разумом этого никогда не следует упускать из вида. Это замечание делает понятным, как далеко часто может продвинуться наш разум в абстрактных науках, в том числе и в теоретической математике, и продвинуться дальше, чем другие науки, в которых обнаруживает себя только средний уровень человеческого рассудка (*mittelmäßigen Menschenverstand*). В этом отношении абстрактные науки превосходят их. Способность представления, которая имеет слишком узкую сферу применения, чтобы сразу охватить все предметы в их целостности, все же может, пожалуй, очень хорошо мыслить только некоторые отдельные их стороны. Если знание о вещи, полученное на основе только абстрактного мышления, не всегда сводится к вещи в целом в том виде, как она дана нам в созерцании, то вполне возможно судить о целом с некоторой одной стороны. Отсюда возникает однобокость теоретического взгляда (*theoretische Schiefsinn*).

Математические науки имеют ту же природу. В принципе, они есть не что иное, как одностороннее исследование действительных тел, поскольку они являются только величинами. Но они помимо своей точности и очевидности имеют еще другое преимущество. Так как во многих телах, к которым применима математика, мы не обращаем внимания почти ни на что, кроме величины, то эти теории создают видимость, будто они представляют действительные объекты в их отношениях, а не только их определенные стороны. Не является ли это одной из причин того, почему математические рассуждения (*Speculationen*) иногда, а логические, метафизичес-

кие и моральные так часто приводят к очень необычным и вздорным выводам (die sonderbarsten Deraisonnements), когда мы судим о действительности. И это несмотря на то что они, взятые сами по себе в своей абстрактной форме, содержат правильные мысли.

II

В абсолютно необходимых способах мышления обыденный рассудок и разум не могут противоречить друг другу

Нужно допускать все мысли, которые субъективно абсолютно необходимы для способности мышления. Между ними также никогда не может быть противоречия. К ним относятся все объективно необходимые истины. Во всеобщих теориях содержатся только такие истины. К ним относятся еще и другие, в частности суждения непосредственного сознания.

Во всех этих суждениях невозможно, чтобы здравый смысл (sensus communis) и разум (Vernunft) противоречили друг другу, если с обеих сторон не совершалось никаких ложных шагов и не возникло недоразумения. Ибо если возникает видимость какого-либо противоречия, то безусловно необходимой должна считаться некоторая мысль, которая таковой не является. И это могло бы иметь место как в любом положении теории, так и в любом суждении здравого рассудка. Но в естественно необходимых знаниях не может быть истинного противоречия, и высказывания разума должны согласовываться с высказываниями обыденного рассудка. Ни один из них не имеет права считать только себя исключительно непогрешимым. Способность мышления в теориях, возможно, скорее может заблуждаться, так как она там должна больше и упорнее работать. Но и недостаток здравого смысла, вероятно, заключается в том, что он считает способ мышления, необходимый для него только на основе привычки, абсолютно необходимым. В этом отношении он всегда вызывал подозрения, когда в еще не исследованных случаях он скорее говорил против себя, чем в свою пользу. Однако установлено, что он как никогда высказывается в свою пользу, когда у него возникают коллизии с математическими теориями. Это, однако, означало бы только то, что одна и та же способность мышления может в одном роде своей работы легче, чем в других, смешивать свои естественно необходимые действия с теми, которые она приобрела только случайно на основании привычки. Можно ли поэтому вообще говорить, что она больше всего подвержена заблуждению там, где она свои умозаключения исследует на основе обыденных понятий, или там, где она проверяет свои суждения, касающиеся чувств?

III

Каким образом разум и обыденный рассудок могут друг другу противоречить? Как они согласуются между собой и как взаимно исправляют друг друга?

Действительное противоречие между обыденным рассудком и разумом можно увидеть, если суждение в том или ином отношении зависит от случайной ассоциации. Это чаще всего бывает в суждениях, касающихся чувств. Но и в общих теориях довольно часто встречаются такого рода

ошибки. Множество их примеров содержится в метафизике и нравственной философии. Только геометрия и арифметика свободны от них. Если ощущения говорят, что Луна такой же величины, что и Солнце, то теория учит иному, потому что теория связана с иными наблюдениями. Так как имеет место противоречие между обыденным рассудком и дискурсивным разумом, то не прав именно первый.

Но не только дискурсивный разум и обыденный рассудок сталкиваются таким образом, но всякий [разум], как об этом свидетельствуют разные системы спекулятивной философии, часто не согласен с самим собой. Подобным образом и обыденный рассудок впадает в аналогичные заблуждения. Суждение, основанное на идеях, полученных с помощью зрения, противоречит суждению, основанному на чувстве (Gefühl). Мы довольно хорошо знаем, как часто нас обманывала чувственная видимость, если мы ее не распознавали.

Как поступаем мы в таких случаях или, скорее, что мы делали там, где нам удавалось успешно избавиться от таких заблуждений? Как в знаниях обыденного рассудка мы, так сказать, примиряли зрение и чувство? Как мы убеждались в том, что мы правильно решили? Каким образом астроном подчинил чувственную видимость своему разуму и достиг уверенности, что он в своих выводах не заблуждается, что Земля, как бы это ни представлялось его взору, вращается вокруг Солнца? И как я должен поступать во всех других случаях, когда кажущийся спор между обыденным рассудком и разумом еще не предался во всей своей полноте?

Так как чувство мне говорит, что вещи, которые я вижу вибрирующими сквозь дым, поднимающийся вблизи сильно пылающей печи, неподвижны, то я верю чувству (Gefühl), а не зрению (Gesicht). Нужны были рассуждения, прежде чем естественная способность мышления удостоверилась в этом. Это видно на примере детей. Они воспринимают своими чувствами вещи, смотрят на них, сравнивают впечатления и только затем приходят к определенному суждению. Обыденный рассудок исправляет себя подобным образом.

Поскольку я ощущаю предметы, то органы, с помощью которых я ощущаю, те же самые, и все эти предметы непосредственно относятся к определенному органу. Я не знаю никакой необходимости в ощущении, которая не дана благодаря чувству в одном ощущении так же, как и в другом. Я должен, таким образом, верить, что вещи, о которых я получаю впечатления при одних и тех же обстоятельствах, одним и тем же способом, посредством одного и того же органа, одинаковы или различны в зависимости от впечатлений, которые я рассматриваю как результат их воздействия на меня. Следовательно, я с необходимостью должен мыслить связи вещей так, как они создаются восприятиями моего чувства.

Отношения и связи в вещах, которые им приписывают на основе чувственного восприятия, всегда остаются одними и теми же до тех пор, пока с самими объектами не происходит никакого изменения. В зрительных впечатлениях мы не находим чего-то подобного. Соответственно, мы берем наши надежные понятия об отношениях из восприятий чувства (Gefühlsempfindungen). Покоиться, двигаться, быть одинаковой величины, быть больше или меньше — все это означает для нас то же самое, что и «быть тем же самым в соответствии с впечатлениями чувства» (Gefühlseindrücken).

Зрительные впечатления дают такие же отношения, что и впечатления чувства, хотя у них все прочее, что относится к ощущению, встречается точно так же и таким же образом, как это всегда имеет место в чувстве. Но первые дают разные связи, если мы в необходимых связях ощущений (*Empfindungserfordernissen*) в одном случае нечто воспринимаем не так, как другом, а это случается часто.

Эта вторая причина добавляется к первой, поэтому понятие о величине тел мы получаем из чувства, а не из зрения. Величина вещей — это чувствуемая величина. Геометрия, а не перспектива¹, является для нас наукой о действительно объективной величине вещей.

Как только это произошло, мы скоро понимаем, что, если отношения приписываются вещам в соответствии со зрительными впечатлениями, понятие о величине, воспринимаемой чувством, связывается с понятием о величине, полученным с помощью зрения, и кладется в основание. Таким образом, одно понятие соединяется с другим, которое связано с ним только тем, что оно возникло одновременно с ним. И оба они соединяются друг с другом благодаря ассоциации идей.

Поэтому это суждение даже субъективно не может быть необходимым, если оно соответствует только зрительным представлениям. Ибо как только мы понимаем, что только из-за подобного рода связи для нас стало привычным или даже необходимым связывать эти два представления и считаем их свойствами вещей, которые не могут существовать друг без друга, то мы осознаем, что они соединены случайно.

Так обыденный рассудок исправляет сам себя. При одном способе действия мы необходимо должны думать так, как мы думаем. При другом, напротив, для нас это только выработанная привычка. Там, где оба эти суждения противостоят друг другу, мы без долгих раздумий последнее объявляем неправильным и убеждаем себя в правильности того, которое для нас субъективно необходимо.

По той же причине мы наши суждения, основанные на чувствах, ставим ниже суждений разума. Предварительно нужно убедиться в правильности рассуждений в астрономии и знать, что просто нельзя думать и судить иначе, чем судят и умозаключают здесь. И тогда мы понимаем, что в противостоящем суждении, основанном на чувствах, нет такой субъективной необходимости, но что здесь находит свое выражение рефлексия некоторой случайной самой по себе связи идей, которые могут быть отделены друг от друга. Если одно из двух отсутствует, то в некоторой мере легко может не быть и нашего убеждения в том, что мы можем полагаться на разумное суждение.

Я говорю, что в некоторой мере может отсутствовать убеждение, ибо важно, сколь велика очевидность, которую мы встречаем в рассуждении. А это отчасти зависит от того, в какой мере человек привык следовать выводам разума. Обыденный рассудок никогда не придет к вполне твердому убеждению в истинности астрономического открытия, если он без знания

¹ Т. Рид противопоставляет обычной геометрии другую, которую он называет *Geometria visibilium* (геометрия видимого), и отличает от обычной геометрии *tangebiliium* (вымышленного). Он также излагает принципы своей зрительной геометрии таким образом, что кажется, будто он уверовал в то, что он здесь пришел к какой-то новой идее. Но его *Geometria visibilium* есть не что иное, как перспектива.

геометрии (предполагается, что он не просто доверяет свидетельству других) не на основании собственного опыта приходит к тому, что ему может казаться, будто Солнце движется с востока на запад (а это ему может показаться так же, как это кажется) и что оно, несмотря на это, покоится и что, скорее, он вращается вместе с Землей. Если кто-то убеждается в этом не на барже, не на корабле, во всяком случае не тогда, когда он едет на каком-то средстве передвижения, одним словом, если он убеждается в этом не на основании своего опыта, то он никогда правильно не поймет, как могло стать, что на небе все обстоит так, как оно есть в действительности.

Но из этого не всегда и не во всех случаях необходимо на базе собственного наглядного опыта делать вывод, что в основе наших суждений, опирающихся на чувства, лежит только некоторая случайная связь идей, которые можно отделить друг от друга. Если только это рассуждение для нас совершенно очевидно, то тогда в лучшем случае может быть познана только возможность того, что необходимость в нашем противоположном суждении, основанном на чувствах, возникла только на основе привычной ассоциации идей. Тогда повторная проверка этих умозаключений на основе принципов может полностью убедить нас в том, что дело обстоит так, как учит теория, хотя чувства говорят об обратном. Наше признание [правоты научной теории] в этом случае субъективно необходимо, поскольку умозаключения, доказательства даны нам в их очевидности. Это не ложное мудрствование (*Vernünfteley*), если философ требует, чтобы в таких случаях опирались на умозаключения.

Например, мы считаем, что звезды мы видим не в том месте, откуда свет от них приходит к нам по прямой линии, так как лучи света и Земля движутся с определенной скоростью. И хотя скорость, с которой перемещается Земля и наш взгляд, мала по сравнению со скоростью света, она все же находится в определенном отношении к ней. В этом мы не можем убедиться на основании какого-либо другого зрительного опыта, но из природы зрения мы все же понимаем, что это может быть так. И если Брэдли (*Bradley*)² нам указывает, что небольшое годовое движение звезд не происходит с ними самими и что они служат только причиной такой видимости, то для нас, что бы там ни говорил обыденный рассудок, в высшей степени вероятно, что дело обстоит действительно так.

Оптика и астрономия полны положений, которые служат для доказательства того, что именно дискурсивный разум исправляет суждения обыденного рассудка там, где тот сам не может действовать путем сравнения своих ощущений. Без геометрии и арифметики основанная на разуме астрономия никогда не стала бы наукой. Здесь господин Битти (*Beattie*)² очень сильно заблуждается.

Развивающийся дискурсивный разум учит нас и научил, что субъективная необходимость в суждениях обыденного рассудка, базирующихся на чувствах, во многих случаях является только необходимостью, полученной на основании привычки, и ведет к предрассудкам. Он также показал, как следует улучшать высказывания обыденного рассудка, и убедил нас в этом. Без геометрии мы не знали бы даже природы зрения и на основе

² Джеймс Брэдли (1692–1762) — известный английский астроном.

² Джеймс Битти (1735–1803) — шотландский ученый, писатель и поэт, представитель философии здравого смысла.

этого чувства мы неправильно судили бы во всех тех случаях, в которых мы не научились бы на основе руководства и упражнения правильно пользоваться им. Охотник на море и шкипер в поле очень плохо судят о расстоянии на глаз.

Дискурсивный разум часто давал нам в руки средство, облегчающее проверку обыденного рассудка. Он также может исправлять суждения этого рассудка, когда тот сам был в состоянии сравнивать опытные факты. Господин Битти дает прекрасный пример того, как человеческий рассудок сам себе помогает, но одновременно также и учит, как важна та помощь, которая приходит от разума. Я в той или иной мере привлекаю перспективу до тех пор, пока не окажется, что предметы благодаря этому представлены наиболее отчетливым образом. Правда, я учусь этому путем проверок и опытов. Но человек, который хорошо понимает оптику и знает фокусное расстояние линз, мог бы, не осуществляя проверок, сразу мне сказать, как далеко я должен установить трубы. Близорукий человек берет тубу (Tubus), уже правильно настроенную для тех, кто видит нормально, хочет настроить ее в соответствии со своими возможностями и, возможно, долгое время тщетно пытается это сделать, если линзы установлены далеко друг от друга. Теоретик может сразу ему сказать, что он должен линзы установить ближе.

Если бы Дж. Беркли, Д. Юм и Лейбниц посредством умозаключений на основе неопровержимых принципов достигли бы очевидности либо относительно того, что никакого материального мира вне нас не может быть, либо относительно того, что признание действительного влияния внешних объектов ведет к настоящему противоречию, если бы они это сделали с очевидностью, то я вынужден был бы согласиться с ними. Я мог бы с ними не соглашаться, если бы противоположная необходимость верить в обратное была бы столь же велика. Но противостояние очевидности чувств очевидности разума означало бы, что очевидность нашей способности мышления выступает против самой себя. Если бы только при упомянутом только что условии некоторым способом, как это пытались сделать вышеназванные философы, объяснили, что необходимость, с которой мы следуем ощущению, имеет свою причину в случайной ассоциации идей, то можно было бы прийти к выводу, что эти идеи, объединенные на основе привычки, в нас снова разъединились бы. В этом случае действительно субъективное убеждение в их связи (System) не только было бы возможно, но и должно было бы возникнуть, если бы наша способность мышления не задержалась бы в своем развитии. Логика этих философов не является неправильной, если бы только не были таковыми их предпосылки.

IV

Как следует вообще поступать во всех тех случаях, когда возникает дисгармония высшего разума и обыденного рассудка?

Мне кажется, ясно само собой, как нужно поступать в соответствии со здоровой логикой во всех тех случаях, где разум противостоит обыденному рассудку. Утверждать, что нужно следовать очевидности чувств, а не очевидности разума, — означает то же самое, что утверждать, что нужно следовать очевидности в одном случае и не доверять такой же очевидности в другом. Такого же рода ошибка имеет место там, где хотят обратного.

Просто игнорировать рассуждения и следовать только так называемому здравому смыслу — это принцип, который вызывает бредни (*Schwärmerei*). Это ведет к предрассудкам, порожденным чувствами, если без предшествующей проверки того, откуда возникают кажущиеся необходимость и очевидность в наших суждениях, берут в качестве критерия только человеческий рассудок, хотя никаких возражений против этого еще не было выдвинуто с более высокой точки зрения. В таких случаях считать совершенно бесполезным вопрос, не смешивается ли где-нибудь истинная субъективная необходимость природы с приобретенной привычкой, и в соответствии с предписаниями Т. Рида, Дж. Битти и Дж. Освальда полагаться только на неискушенный человеческий рассудок — означает отказываться от исследования, основанного на разуме.

Напротив, не обращать внимание на суждения здравого смысла, а только слушать суждения дискурсивного разума — это принцип, который ведет к ложному мудрствованию (*Vernünfteley*). Рассуждения идеалистов и сторонников предустановленной гармонии нуждаются в точной проверке и не обладают той очевидностью, которую им приписывают. В споре с идеалистами истинная очевидность на стороне обыденного рассудка, и не иначе, чем это есть; точно так же субъективно и абсолютно необходимо связать с чувствами о нашем теле также идею о существующем объекте, а эту идею как таковую с рефлексивными чувствами (*Selbstgefühlen*) о нашем Я, и если мы точно так же с необходимостью отличаем эти объекты от этого Я, как два различных представления, существующих в нас³.

Остается только исследовать и суждения обыденного рассудка, и суждения разума. Вообще один из них не более и не менее подозрителен, чем другой, хотя в особых случаях один может иметь больше преимуществ для себя, чем другой. Если их анализировали и сравнили, то в других примерах обнаружится то, что уже обнаружилось во многих случаях, а именно, что в основе [их конфликта] лежало недоразумение. И если проблема (*der Knoten*) не может быть таким способом разрешена, то нужно ее оставить в покое, по меньшей мере в рассуждениях общего характера (*in der Speculation*), хотя на практике часто необходимо ее решать.

Знаем ли мы с достоверностью, что имеет место очевидность? Можем ли мы случаи, в которых суждение выносится на основе необходимых законов природы, отличить от таких, в которых мы мыслим только на основе случайно ассоциированных идей? Не очевидно ли, что некоторые принципы, общие аксиомы, положения опыта и знания, полученные на основе умозаключений, надежно основываются на неизменной природной необходимости? Во всех этих вопросах скептицизм, считаю я, отличается от учения, которое нечто утверждает; он отличается как от истинной философии, так и от ложного мудрствования, и от противостоящих ему грез обыденного рассудка. Эти трое последних начинают с общих принципов, но последние двое сошли с правильного пути. Так как с ложным мудрствованием связано еще то, что отрицается очевидность ощущений, а с грезами то, что отрицается очевидность рассуждений на основе общих понятий, то они в некотором отношении снова объединяются со скептицизмом.

Я считаю бесполезным делом спорить со скептиком об общем признаке очевидности. Лучше сделать так, как философы отчасти делали, а именно

³ 5-й опыт, VII.

они устанавливают принципы, которые они считают очевидными, и утверждают о них, в частности, что они таковы. Скептик может затем вспомнить то, что он может подвергнуть сомнению в каждой аксиоме. И тут догматик в свою защиту может сказать только то, что имеются как некоторые общие суждения, так и отдельные ощущения, которые в определенной мере являются субъективными необходимыми суждениями рассудка. Он может также сказать, что все старания либо непосредственно отрицать их, либо опровергнуть посредством рассуждений — тщетные стремления, направленные против природы. Только по причине глупости (Unsinn) или беспомощности (Unvermögen) рассудка они могли бы кому-нибудь казаться ложными или же только сомнительными.

V

Сравнение развитых высших знаний рассудка с неразвитыми чувственными знаниями в отношении способности души, которая в них действует

Если еще раз сопоставить, с одной стороны, развитые знания разума, рассуждения самого общего характера и теории рассудка, а с другой — чувственные знания неразвитого рассудка, и затем из отношения их действий друг к другу заключить об отношении их познавательных способностей, проявлением которых они являются, то сразу станет ясно, что высшие знания требуют той же способности души, которая уже обнаружила себя в общих чувственных знаниях. Та же самая способность мышления сравнивает чувственные представления, наглядные и самые общие образы и судит об их отношениях и связях, как и в случае с высшими знаниями. Никакая другая способность души не действует в высших науках, которая бы не действовала в низших знаниях⁴. Только в них она проявляется в разной степени. Общие образы тщательно сопоставляются, их различие замечается точнее, сравниваются их отдельные части и черты. Идеи становятся отчетливее, изысканнее (*feiner*) и больше подчиняются силе души. Познание становится, так сказать, в большей степени познанием, когда способность души благодаря представлениям распространяется далее и глубже (*inniger*), и соединяется с ними. Таким образом, законы действия одни и те же. В обоих случаях имеет место тот же вид деятельности и та же форма знаний. В философских рассуждениях Лейбница действует тот же принцип, что и у дикаря, когда тот думает о том, как убить зверя.

В чувственных знаниях сила представления, которая воспринимает образы, связывает их, объединяет или различает, принимает самое активное участие. И в них она меньше всего зависит от отношений и связей, которые создает способность мышления. Все же не во всех видах чувственных знаний отношение этих двух познавательных способностей то же самое. Ибо чувственное знание, полученное посредством зрения и внутреннего чувства (*Gefühl*), двух чувств, которые больше всего питают способность мышления, уже выше и гораздо рациональнее, чем знание, приобретенные посредством слуха, обоняния и вкуса, так как в них идеи содержат больше сравнений, связей, выводов и смутных умозаключений. Но в гораздо большей степени способность мышления участвует в создании общих понятий.

⁴ 4-й опыт, II; 6-й опыт, I,1, II,1.

Тут представляющая сила — служанка; и в той мере, в какой знания становятся более отчетливыми и развитыми, меняется соотношение того вклада, какой вносит в него чувство (представляющая способность) и способность мышления, хотя ни одна из них не может полностью отсутствовать.

В более развитых знаниях имеет место более высокая степень спонтанной устремленности мышления (*eines selbstthätigen Bestrebens der Denkkraft*). Мы незаметно учимся смотреть, слушать и применять рассудок к чувственным предметам. Однако потребуются больше самостоятельных усилий для того, чтобы получить идеи и достичь более высоких наук и сложных знаний. Действие обыденного мышления — это проявление спонтанной деятельности души, поскольку она имеет в самой себе деятельную способность к этому. Но она здесь возникает сама собой. И там, где возбуждаются ощущения, деятельному принципу придается больше силы, чем там, где он должен сам, опираясь на собственные силы, стремится к таким проявлениям. Напротив, высший акт разума — это более целенаправленные и самостоятельные действия, более самостоятельные также и потому, что способность мышления их не только осуществляет, но и в большей мере наделяет их способностью действовать таким образом. И она в большей степени должна содержаться в его действиях. Итак, что такое рассудок и разум? И является ли высшая способность познания чем-то иным, чем способность мышления, достигшая высшей степени самостоятельности?

Перевод с нем. С. Г. Секунданта